

М. Н. ЛЯДОВ

КАК НАЧАЛА СКЛАДЫВАТЬСЯ
РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ

(История Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии)

3-е издание.

Издание
Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова
Москва — 1926.

возобновить попытку первого съезда; на местах замечается еще больший страх перед партийной централизацией, которой, именно, и объясняют возможность такого общего и крупного провала; комитеты еще более уходят в свою скорлупу и зарываются исключительно в местную работу. И все-таки, не смотря на все это, первый шаг к партийному единству был сделан. Если не фактически, то в идее, в уме каждого работника партия уже существует, и он чувствует себя членом одного великого целого.

ГЛАВА XXI.

Я уже упоминал, что решения съезда отнюдь не могли быть обязательными для всех социалдемократических организаций России, так как на нем были представлены далеко не все организации; те же из отсутствующих, которые принимали решения съезда, тем самым присоединялись к Партии. Как нам известно, группа „Освобождение Труда“ на съезде не присутствовала. Своим представителем за границей съезд признал „Союз русских социалдемократов“, а так как с 1888 г. группа „Освобождение Труда“ редактировала издания „Союза“, то с присоединением его к Партии, примкнула к Партии и она. Опубликовывая Манифест, она пишет: „Появление Российской Социалдемократической Рабочей Партии и ее манифеста, который мы здесь перепечатаваем, является очень крупным шагом вперед в движении нашего рабочего класса. Быстрый рост этого движения в последние годы усилится еще больше, когда наши товарищи проникнутся сознанием общности интересов пролетариата всего русского государства, и когда каждый из них будет чувствовать и сознавать, что ему всегда готовы помочь и действительно помогают остальные товарищи... Мы убеждены, что общая организация русских социалдемократов будет все больше расти и крепнуть, пока движение рабочего класса не превратится в громадный поток, который, облегчая на пути экономическое положение пролетариата, снесет, наконец, своим могучим течением тяготеющий над Россией политический гнет и расчистит дорогу для свободной широкой борьбы за полное, всестороннее освобождение всех трудящихся“¹⁾.

Следующий номер „Листка Работника“, вышедший в ноябре 1898 г., заканчивается извещением от редакции следующего содержания: „С настоящего номера группа „Освобождение Труда“ не редактирует больше „Листка Работника“. Пред-

¹⁾ „Листок Работника“ № 8. Июнь 98 г. стр. 2—3.

лагаемый читателям 9—10 номер выпущен в свет под временной редакцией. Следующие номера „Листка“ будут выходить под новой, окончательно образованной редакцией „Союза Русских Социалдемократов“ 1).

В только что приведенной передовице редакция „Листка“, т. е. группа „Освобождение Труда“ высказывает свою солидарность со съездом и, тем не менее, почти сейчас же после съезда уходит от редакторства. „Все сношения с Россией,—объясняет Плеханов этот уход,—вела тогда...ская группа..., которая целиком состояла из „экономистов“. Она уверяла нас, что товарищи, действующие в России, вполне разделяют ее образ мыслей. Этому противоречил Манифест Российской Партии. Но невероятно тяжелые условия деятельности в России ведут за собой чрезвычайно частую смену деятелей. Чтобы уяснить себе, какое направление там преобладает, и чего хотят от наших изданий наши товарищи в России, мы послали в Петербург изложение наших споров с „молодыми“. Нам ответили лаконическим советом дать некоторый простор новым силам. Тогда мы попробовали вести дело издания „Листка Работника“ совместно с некоторыми представителями „экономического“ направления. Как и следовало ожидать, эта попытка кончилась полнейшей неудачей. Что было делать? Оставалось совсем выйти из редакции. Так мы и поступили в ноябре 1898 г.“ 2).

Итак, группа „Освобождение Труда“ ушла из редакции не потому, что она была не согласна с решениями съезда, а потому, что находила направление большинства русских работников не соответствовавшим направлению, принятому на съезде, которое, по мнению Плеханова, совпадало с направлением группы „Освобождение Труда“. N-ский заграничный кружок, состоявший из „экономистов“, убеждает группу „Освобождение Труда“, что все русские товарищи думают, как она. Группа „Освобождение Труда“ справляется у одной русской организации, та подтверждает мнение N-ской группы, и вот группа „Освобождение Труда“ считает это достаточным основанием, чтобы передать редакцию заграничного органа в руки заведомых „экономистов“, среди которых, по словам Плеханова, были лица, высказавшиеся против признания Манифеста 3), лица, принадлежащие к направлению, в котором, по его мнению, „нет ни социализма, ни демократизма“ 4).

1) „Лист. Раб.“ № 9—10 стр. 96.

2) „Vademekum“. Для редакции „Раб. Дела“. Предисловие Плеханова стр. XLVIII.

3) См. „Vademekum“ Предисл. Плеханова, стр. XXIV.

4) Там же, стр. XXX.

В России зародыш партии был разгромлен, официальный орган не существовал. Единственное, что уцелело от работ съезда, был его Манифест, и единственно, кто имел возможность до следующего съезда Партии сохранить в неприкосновенности выработанные съездом и формулированные в Манифесте партийные взгляды, был заграничный, обеспеченный от провалов представитель Партии „Союз Русских Социалдемократов“, и в частности его редакция. И несомненно, группа „Освобождение Труда“ тем, что в такой важный момент ушла со своего поста, нанесла непоправимый вред нашей зарождающейся Партии. Это была непростительная ошибка со стороны основателей русского ортодоксального марксистского направления, со стороны теоретических руководителей русских социалдемократов. Группа „Освобождение Труда“ готова была покинуть свой пост еще до получения ответа от Петербургской организации. Но предоставим слово Плеханову. „Совет—дать некоторый простор молодым силам“, полученный нами из Петербурга,—говорит он,—показывает, что наши товарищи в России не имели правильного понятия о нашем отношении к „молодым“ заграничным товарищам. Эти последние не переставали жаловаться на то, что мы мешаем им работать сообразно их убеждениям. Но их жалобы были совершенно неосновательны. Каким образом могли мы стеснять деятельность „молодых“ товарищей? Только одним путем: путем устранения их от редактирования заграничных социалдемократических изданий. Но мы не только не хотели устранять их от этого, а напротив не раз, и давно уже, выражали им свое намерение отказаться от редактирования „Работника“ (курсив мой М. Л.). Это доказывается следующими строками: „Относительно редакции ...ские товарищи высказались категорически против всяких перемен, так как не могут представить себе, кто бы мог в настоящее время заменить членов группы „Освобождение Труда“. Эти строки взяты мною из письма М. М. ¹⁾, которому П. Аксельрод предлагал от имени группы „Освобождение Труда“ списаться с русскими товарищами относительно назначения новой редакции для „Листка Работника“.

¹⁾ Я очень рад, что еще до выхода в свет второй части моей книги, я получил право раскрыть упомянутые здесь псевдонимы идейных отцов наших „экономистов“. Под литерами „М. М.“ писала г-жа Кускова (см. ее статью „Ф. Дан. Ист. раб. движения и социалдемократии в России 1900—1904 г.“ „Былое“ кн. X, стр. 329, примеч.), буквами „Н. Н.“ подписывался г. Прокопович (см. его статью „Партийная беспринципность“ газ. „Товарищ“ № 108 от 8/XI 906 г.), под буквой же „Г“ скрывался один из видных деятелей Бунда.

„К числу товарищей, категорически высказавшихся против всяких перемен в этой области, г. NN., впоследствии автор брошюры против группы „Освобождение Труда“, и г. Г., „вполне“ с ним „согласный“. Г. NN до такой степени не желал никаких перемен в редакции, что нашел нужным с своей стороны написать П. Аксельроду: „Мы решительно высказываемся против перемены редакции по двум причинам.—Во-первых, среди молодых товарищей нет ни одного опытного литератора, ни одного человека с литературным именем. Мы думаем, что ни один уважающий себя человек не согласится стать редактором на том основании, что ему пришлось на его веку написать 1—2 статейки. Во-вторых, среди молодых товарищей нет ни одного достаточно знакомого с Россией. (Курсив мой. М. Л.). Молодо—зелено“¹⁾.

Пятнадцать лет перед тем, в 1883 г. группа „Освобождение Труда“ не побоялась, вопреки и в противовес всем действовавшим тогда революционерам, поднять знамя русской социал-демократии. В этом заключалась ее громадная заслуга перед русским социалдемократическим движением. Теперь же в 1898 г. она без бою готова передать, и действительно передает, это знамя в руки тех, кого она сама не считает способным с честью нести его, и делает это под давлением одного заграничного кружка и на основании случайного письма одной из многочисленных действовавших в Петербурге групп, вопреки ясно выраженной воле только что сплотившихся в партию организаций.

Я говорил, правда, в первой части этой книги, что старые социал-демократы — практики (а съезд явился выражением именно их направления) были недовольны деятельностью группы „Освобождение Труда“. Но будучи недовольны деятельностью старых эмигрантов, они всегда и всюду подчеркивали свою солидарность с принципами, проводимыми группой „Освобождение Труда“. Ошибки эмигрантов практики об'ясняли оторванностью их от России, фактической невозможностью для них представить себе происшедшие в ней за 15 лет перемены, ясно понять уже начавшееся массовое рабочее движение. Отсюда то, т.-е. из этого незнания положения вещей в России, и проистекала, по мнению практиков, переоценка сил резолюционной интеллигенции и тесно связанный с ней народовольческий (чисто заговорщицкий) план организации, который пропагандировался группой „Освобождение Труда“. Чего же собственно добивались все приезжавшие (за время от 1894—1897 г.) за границу уполномоченные от русских практиков? Чтобы группа передала редакцию в другие

¹⁾ Vademekum XLVIII--XLIX.

руки? Отнюдь нет; этого не требовали даже, как мы видели, ультра-экономисты, вроде господ Прокоповича, Кусковой и Г. Единственно, чего хотели русские практики от группы „Освобождение Труда“, это большего общения с живой русской действительностью и большей осведомленности в русских делах. Все без исключения русские практики считали группу „Освобождение Труда“ незаменимой в качестве идейной руководительницы, но наряду с этим они требовали от нея и практического руководства; а этого последнего требования группа удовлетворить не могла. Она не сумела настолько связаться с Россией, чтобы действительно быть *au courant* настроения не только случайного состава той или иной организации, но настроения и степени сознания уже действующих рабочих — как социал-демократов, так и остальной рабочей массы. Правда, группа „Освобождение Труда“ делает кое-какие попытки в этом направлении. Так, приступая к изданию „Работника“, Плеханов пишет от имени редакции: „К этой той же рабочей России, составляющей нашу радость, нашу гордость, нашу надежду, и обращаемся мы со своим скромным изданием. Мы целиком посвятим его интересам рабочего класса. Мы не навязываем своих взглядов нашим читателям-рабочим. Мы не берем на себя роли руководителей. Нам хотелось бы только принести пользу тем обездоленным, но бодрым и смелым труженикам, которые борются на нашей далекой и несчастной родине. Страницы нашего неперидического издания, если ему суждено продолжаться, будут открыты всем рабочим, желающим воспользоваться им для обсуждения своих задач и выражения своих стремлений“¹⁾. Группа заявляет даже, что она отказывается от роли руководителя и хочет, чтобы „Работник“ стал дискуссионным органом русских рабочих. Но у нее не было связи с этими рабочими. В вышедших номерах „Работника“ нет ни одной статьи, написанной рабочими. Орган не уничтожил оторванности группы „Освобождение Труда“ от России. Россию для нее заменяют заграничные русские колонии, которые должны отражать настроения, желания и образ мыслей действующих в России товарищей. Но могли ли заграничные колонии выполнить эту роль? Первые социал-демократы-практики были арестованы в период 1895—1896 г. г. По-тогдашнему обычаю следствие над ними тянулось около 2-х лет. Громадное большинство из них из тюрьмы отправляются в ссылку в Сибирь или Архангельск на срок от 3-х до 10 лет. Самые активные, ближе всего стоявшие к делу, попадают

¹⁾ „Работник“, № 1 и 2. Женева, 1896 г. стр. XII ж.

именно в Сибирь. Первые побеги из Сибири социал-демократов начались в 1899 году; а первые легальные возвращения их оттуда могли начаться не раньше 1900 года. До этого времени действительные социал-демократы-практики, за самыми ничтожными единичными исключениями, за границу не попадают. Попадают же туда либо учащаяся молодежь, совершенно не работавшая и совершенно не знакомая с движением, либо случайно уцелевшие от тюрьмы и ссылки второстепенные силы, по большей части пособники, а не активные участники движения. Вот из этих-то элементов и составлялись заграничные русские колонии. Начиная с 1897 года, почти всякий „мыслящий“ гимназист считал себя марксистом. Приехав за границу, он, конечно, сейчас же входит в местную социал-демократическую организацию и, таким образом, получает право выражать „настроение“ России, служа единственным материалом для ознакомления группы „Освобождение Труда“ с этим настроением. Можно ли после этого удивляться, что группа не могла понять, чего собственно желают русские товарищи от их изданий? Другим источником, служившим группе для характеристики русской действительности, были русские легальные газеты. Достаточно вспомнить условия, в которые была поставлена печать того времени, чтобы сделать должную оценку этому материалу. Он не только не отражал действительное положение вещей в России, но до неузнаваемости искажал это положение. Либеральные газеты не смели на своих столбцах выходить за рамки обсуждения вопросов городского и земского хозяйств, да подчеркивани. бьющего в глаза убожества русской культуры. Это была единственная сфера, в которой печать могла говорить во-всю „Либеральный такт“ требовал, чтобы о земстве „порядочная“ печать писала лишь хвалебные гимны, предоставляя ругать земцев „Московским Ведомостям“, да „Гражданину“. Благодаря этому, жизнь земского и городского самоуправления страшно идеализировалась, а светлые стороны его деятелей до невероятности переоценивались. С другой стороны, тот же либеральный такт требовал особого сгущения красок для изображения народного невежества и царящего в России культурного мрака. Тщательно выискивая и смакуя случаи разных суеверий и т. п., либеральные принципы заставляли печать обходить гробовым молчанием всякое проявление самостоятельности и самодеятельности рабочих, все значение уже проявившегося рабочего движения. Этот жалкий и при том совершенно искаженный легальный материал дополнялся жиденькими, чисто фактическими нелегальными корреспонденциями о той или иной стачке, о числе арестованных, о той или иной прокламации.

Повторяю, что при наличности такого материала незнание эмигрантов с практикой русских социал-демократов, психологией русских рабочих и общественной жизнью всей России являлось фактом совершенно неизбежным. До тех пор, пока Плеханов или Аксельрод делали тот или иной вывод из чисто теоретических построений научного социализма и оперировали с фактом исторического прошлого России или ее современного экономического положения, они давали нечто ценное, за чем шли все социал-демократы. Но как только им приходилось, на основании оценки современного момента, оценки психологии действующих классов и знания текущих событий, делать тот или иной практический вывод, давать тактические директивы, они всегда оказывались не на высоте положения: их оценка событий не отвечала действительности, и практическое руководство уходило из их рук.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. В январе 1892 г. Плеханов, под впечатлением голода в России, написал брошюру: „Всероссийское разорение“. После блестящего анализа экономической жизни России, после мастерского доказательства связи между этим разорением и существованием абсолютизма он заканчивает свою статью призывом ко всем классам русского общества немедленно вступить в борьбу с абсолютизмом за созыв Земского Собора, должностующего сыграть роль Учредительного Собрания. По его мнению, в этой борьбе заинтересованы все, „кроме достаточно опозорившейся партии кнута и палки“, и возможность такой общей борьбы—„не утопия, измышленная изгнанником, оторванным от родной почвы“¹⁾.

Русские социал-демократы-практики в целом ряде писем поспешили уверить Плеханова, что звать сейчас все классы общества на немедленную борьбу с абсолютизмом есть именно только „утопия“, что в сохранении у нас существующего строя заинтересована далеко не одна „партия кнута и палки“, и что вопли либеральной печати отражают настроение не общественных классов, а лишь небольшой кучки интеллигентов. Интеллигенты же не социал-демократы, прочтя брошюру Плеханова, возликовали. „В моей статье, „Всероссийское разорение“,—писал затем Плеханов,—некоторые увидели отказ от прежней социал-демократической программы и не то ловорот, не то отступление в сторону „чистой политики“²⁾.

¹⁾ „Всероссийское разорение“. СПб., 1906 г., стр. 61.

²⁾ „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“. СПб. 1906 г., стр. 43.

И вот, чтобы доказать, что он держится прежнего социал-демократического взгляда, он пишет новую статью, в которой с чисто научной точки зрения доказывает необходимость для русской буржуазии столкнуться со временем с абсолютизмом, так как наступит момент, когда этого потребуют ее экономические интересы. С такой отвлеченной постановкой вопроса согласились, конечно, все социал-демократы, как согласились и с остальными высказанными в этой новой брошюре положениями, касающимися выяснения сущности классово-борьбы. Но в это же время они нашли, что тактический совет, данный во „Всероссийском разорении“, не соответствует сущности теоретических положений, приведенных в брошюре „О задачах социалистов“..., и что попытка об'яснить этот совет в конце второй статьи витает, вопреки научным убеждениям Плеханова, в области желательного, а не действительно существующего. Приведем самое интересное место из этого об'яснения: „Как вы думаете достичь поставленных себе задач, вроде сбора 300 миллионов рублей, которых не дает Вышнеградский?“—спрашивает меня живущий в России читатель... На этот вопрос можно было бы ответить очень кратко: у Земского Собора непременно и во всяком случае будут все те средства, которые понадобятся для помощи голодающим, и которых нет и не может быть в распоряжении царского правительства. Но такой ответ подал бы повод к новым недоразумениям, поэтому я выскажусь подробнее.

„Что означало бы созвание Земского Собора? То же самое, что означало созвание Генеральных Штатов в конце прошлого века во Франции: признание правительством своей несостоятельности, уступку, вырванную у него неотвратимым ходом исторических событий, пролог революции. Раз был бы созван Земский Собор, судьбы России фактически тотчас же перешли бы из рук царя в руки нового революционного правительства, и революционное правительство лишь постольку и было бы действительно революционным, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи, поскольку оно сумело бы преодолеть те препятствия, которые мешают царскому правительству предпринять что-нибудь полезное для голодного народа. Если собравшиеся на Собор представители не сумеют решить эту задачу, их снесет волна революционного движения, которая поставит *the right men on the right place* (настоящих людей на настоящее место) и которая создаст, наконец, правительство, способное побороться с обстоятельствами (курсив мой, М. Л.). Для правительства, которое будет заслуживать название революцион-

ного правительства, легко будет достать даже не такую безделицу, как 300 миллионов рублей»¹⁾.

Я повторяю, что с этими положениями, взятыми in abstracto, должен был согласиться всякий социал-демократ; но в качестве тактического совета для 92 года, когда крестьянство, несмотря на голод, спало непробудным сном, когда промышленная буржуазия, благодаря абсолютизму и связанным с ним голодовкам, наживала рубль на рубль, когда крупные землевладельцы (опять-таки благодаря абсолютизму) бесконтрольно хозяйничали в земствах и эксплуатировали голодающих, заставляя их работать за кусок хлеба два дня, когда пролетариат не успел еще приступить к организации, и даже интеллигенция, этот главный кадр старых революционеров, в массе своей ушла в «малые дела», в толстовщину и индифферентизм, в качестве тактического совета эти положения могли только свидетельствовать о полном незнакомстве автора с действительным положением дел и с господствующим настроением в России²⁾.

То же абсолютное непонимание положения вещей в России заставило Аксельрода написать следующие строки: «Время, переживаемое теперь Россией, особенно благоприятно для приобретения вами славного влияния в среде низших классов и для создания той революционной силы, во главе которой вы могли бы начать смелую войну против правительства и эксплуататоров народа. Говорят: «нет худа без добра». Эта поговорка как раз применима к постигшему нашу родину в прошлом и нынешнем году неурожаю. Велики бедствия, принесенные им русскому народу. Но эти бедствия могли бы сделаться источником его избавления от угнетающего его правительственного произвола, если бы нашлись люди, способные разъяснить ему истинные причины его страданий и возбудить его на борьбу с ними... Пять, десять лет тому назад только революционеры и очень образованные люди могли понимать, какое великое зло причиняет России царское и жандармско-полицейское самовластие. Но

¹⁾ „О зад. соц-ов в борьбе с голодом.“, стр. 81—82.

²⁾ Характерно, что когда революционное движение в России создало возможность осуществления плана Плеханова 92 года, когда перед уже организованным пролетариатом во всей своей неотложности встал вопрос о революционном правительстве, о том, чтобы революционная волна снесла представителей несумевшего выполнить своей задачи правительства и поставила бы „настоящих людей на настоящее место“, то Плеханов забил отбой и стал пытаться удержать эту революционную волну. См. его «Дневники» за 906 г. Местом писания этих дневников осталась все та же Женева; в этом-то и горе Плеханова,

теперь печальные предсказания этих людей вполне сбылись. Когда самовластное правительство привело всю страну на край гибели и оказывается совершенно неспособным даже временно облегчить народные страдания, и самому неразвитому человеку нетрудно объяснить необходимость коренной перемены в нашем государственном строе. Разве одни только Сысойки неспособны были бы теперь сочувственно отозваться на призыв к борьбе за политическую свободу и за созвание Земского Собора из выборных от всего народа. И никто не мог бы у нас обратиться к трудящимся классам с этим призывом с таким успехом, как именно вы, дорогие товарищи. Вы оказали бы этим неоценимую услугу России вообще и ее рабочему классу в особенности“¹⁾.

Эти строки Аксельрод писал после Плехановского „Всероссийского разорения“ в феврале 1893 г., когда острый кризис в значительной степени уже миновал, надежды Плеханова, что все классы общества вступят на революционный путь, не оправдались, и когда крестьянская масса в отдельных местах, как в Саратове, Астрахани и друг., проявляла свое отчаяние в виде единичных бунтов, ничего, конечно, общего с политическим движением не имевших. Говоря о последних, Аксельрод указывает интеллигентным рабочим, что если бы у них в 92 г. было такое же „крепкое революционное ядро, каким 15 лет тому назад были организации „Земля и Воля“, а потом „Народная Воля“, то „подобный народный союз, наверное, не пропустил бы даром таких народных волнений, как астраханский и холерные бунты и беспорядки, охватившие двадцатитысячное рабочее население в Екатеринославской губернии“²⁾. То обстоятельство, что об этих „бунтах“ приходилось судить по кратким и часто ложным известиям заграничных газет, а также старый бунтарски-бланкистский закал, согласно которому каждая стихийная народная вспышка, безразлично против кого бы она ни была направлена, и в какой бы форме она ни выражалась, могла считаться началом восстания,—все это вместе взятое подало Аксельроду повод предположить, что вспышки 92 г. могли бы быть превращены в революционное движение за созыв Земского Собора. По его мнению, „одни лишь Сысойки неспособны отозваться на этот призыв“. Тактика, предложенная группой Осв. Труда, отвергнутая в то время всеми марксистами, считавшими ее утопичной и совершенно неприменимой при данном настроении общественных сил в России, эта тактика была подхвачена

¹⁾ Аксельрод „Задачи рабоч. интеллигенции“. Женева. 93 года, стр. I и II

²⁾ Там-же, стр. 11.

московским народовольческим кружком, группировавшимся вокруг Астырева, попытка которого поднять народные массы во имя революционного лозунга за „Земский Собор“, как известно, окончилась полной неудачей. Только живя долгое время за границей, можно было в 93 году написать следующие заключительные строки: „к сожалению, дело объединения русских рабочих в революционную партию, повидимому, нисколько не подвинулось вперед за это время. Только этим и можно объяснить тот в высшей степени печальный факт, что наша рабочая интеллигенция до сих пор ничем не проявила своего влияния на народную массу. А между тем и почва для этого влияния как нельзя более подготовлена разорительным хозяйничаньем над Россией самовластного правительства. Народные волнения и „беспорядки“ последних лет показывают, что народные массы не хотят уже больше сносить произвол и грабеж, производимый над ними чиновниками совместно с помещиками, кулаками и всякими эксплуататорами народного труда. Но ни в одном из этих волнений не водружено было знамя „свободы“, нигде среди „бунтовщиков“ не была провозглашена необходимость созыва выборов от всего народа“¹).

В первой части этой книги я указывал уже, как смотрели на этот вопрос марксисты в России. Только что приведенная цитата показывает лишь, насколько действительно полная оторванность от России мешала членам группы „Освобождение Труда“ на практике, а не в теории освободиться от старых бунтарски-заговорщицких взглядов и от свойственной бунтарям-народникам утопической переоценки степени сознательности и революционности русского народа. По Аксельроду выходит так, что появившись в 92 г. хорошие вожаки, и масса крестьян, масса астраханских и саратовских погромщиков пошла бы за ними добывать „Земский Собор“. Этот бунтарски-народнический утопизм еще не так сильно проявляется у Плеханова, который лишь в редких случаях переходил от разработки теоретических вопросов к тактическим; но у Аксельрода, специализировавшегося в то время на тактических вопросах, эта интеллигентски-бунтарская черта проявлялась особенно сильно. „Будь у нас теперь серьезная организация энергичных революционеров (в роде народовольческой или землевольческой), — писал он в „Социалдемократе“, — приобретающая популярность хотя бы среди нескольких тысяч петер-

¹ Аксельрод „Зад. раб. интел.“ стр. 16—17 (Курсив во всех случаях мой. М. Л.).

бургских рабочих, она имела бы больше шансов на успех в военном столкновении с правительством, чем социал-демократия в Германии“¹⁾).

Это не случайная фраза из одного примечания—как впоследствии в полемике с экономистами защищал Аксельрода Плеханов,—это характеризует тактическую точку зрения Аксельрода, которая, повторяю, вследствие незнакомства его с общественными силами России, всегда значительно отставала и даже противоречила принципиальной основе группы „Освобождение Труда“.

Аксельрод не отрицал тогда известной близости между заговорщицки-бунтарской деятельностью и деятельностью социалдемократической. „Бакунистская теория „пропаганды действием“, вовлечения народных масс в движение против существующего строя,—говорит он,—и сплочения их в революционную силу при помощи мелких бунтов и всевозможных „протестов“ представляет собой в сущности не что иное, как примитивное выражение того же социалдемократического воззрения, сложившееся в значительной мере под влиянием революционных традиций пройденных уже исторических эпох“²⁾. Изменилось лишь содержание агитации и объект ее, субъект же остается все тот же—это внеклассовая интеллигенция. Я уже не раз говорил, что в вопросе о сущности интеллигенции взгляды русских марксистов резко расходились со взглядами группы „Осв. Труда“ и в особенности со взглядами Аксельрода. „В центре и во главе этих элементов (недовольных абсолютизмом),—говорил Аксельрод,—стоят представители либеральных профессий, адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разного рода техники, наконец, учащая молодежь и т. д. Мало того, даже часть образованной бюрократии принадлежит по своим симпатиям и своим стремлениям к этим прогрессивным кругам высших сословий, составляющим в совокупности значительную часть буржуазии и носящим общее название „интеллигенции“³⁾. Вся деятельность этой интеллигенции направлена против существующего политического режима, „даже неполитическое, вполне легальное, просветительное культурничество становится неиссякаемым источником политического брожения“⁴⁾. Этим культурничеством, „подготовительной работой в области революционизирования народных масс“⁴⁾, занята вся интеллигенция без различия. Но вот из

1) „Социал-демократ“ № 4, стр. 26.

2) „Историч. положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России“. Работник № 5—6. 1899 г. II отд., стр. 40.

3) Там же, стр. 51.

4) Там же, стр. 52.

этой общей интеллигентской массы начинает выделяться радикально-демократическая интеллигенция. „Средства, употребляемые либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержат в себе, правда, революционную силу, но лишь в скрытом состоянии, из которого ее еще нужно превратить в живую энергию; для этой исторической роли как бы назначены полупролетарии и пролетарии интеллигенции, учащаяся молодежь и, вообще, наиболее темпераментные и наиболее демократические элементы интеллигенции¹⁾. Впрочем, и либеральные помещики далеко не очарованы своей тихой, кропотливой работой подкапывания и подтачивания устоев. И они чувствуют себя отвратительно под давлением тяжелой руки бюрократии и хотели бы освободиться от нее, но либеральные помещики и хорошо оплачиваемые редакторы „уважаемых“ газет склонны резонировать, что нельзя де пробить стену лбом. На что радикально-демократическая интеллигенция им заявляет: „Мы никогда не удовлетворимся и не желаем удовлетворяться вашим черепашиным прогрессом. Ваше смирение безнравственно. Источники его— трусость и эгоистический страх за ваши личные интересы. Наш же лозунг гласит: бесстрашная, беспощадная война с властью имущими не на живот, а на смерть. А так как наших сил не хватает, то мы призовем угнетенные массы на революционную арену (курсив мой М. Л.) и научим их бороться с угнетающим их общественным строем и вооружим их к этой борьбе“²⁾.

Богатые помещики и либеральные редакторы, конечно, могут только радоваться такому плану поднятия рабочих масс на борьбу; стену прошибить они очень желают, да сделать это самим и страшно и опасно, ну, а пролетарский лоб пустить в ход дело хорошее, тем более, что Аксельрод уверяет их, что „в России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще в массе своей на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии—уже в железных тисках абсолютизма—возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии“³⁾. И вот, по точному смыслу сказанного Аксельродом выходит, что следует поддерживать такое бессознательное состояние пролетариата. Он не раз подчеркивает, что необходимо тщательно избегать

¹⁾ Там же, стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 55—56.

³⁾ Там же, стр. 64. Курсив мой. М. Л.

в агитации выражения взглядов на всю буржуазию, как на массу, враждебную рабочему классу: „это препятствовало бы,—говорит он,—установлению умственного взаимодействия образованных классов и народных масс. Между тем такое воздействие уже само по себе имеет в современной России огромное прогрессивное значение, так как самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс“¹⁾).

Аксельрод писал эти строки уже после петербургской стачки 96—97 г., когда пролетариат на деле показал относительную ценность деятельности его массы в сравнении с деятельностью бледно-розовых либеральных помещиков и редакторов. Я нарочно привожу эти многочисленные цитаты из Аксельродовской статьи, потому что они рельефнее всего рисуют нам его исходную точку зрения. Для него та интеллигенция, которая заседала в земских и бюрократических учреждениях, и которая под видом либеральных помещиков, эксплуатировала крестьянина, и та, которая в качестве „кающихся дворян“ шла в народ и там постепенно превращалась в бунтарей, землевольцев и народовольцев, вся эта интеллигенция была вполне однородной с интеллигенцией, которая по своему положению пролетариев, изучив свое классовое положение, пошла к своим братьям по классу, чтобы вместе с ними бороться за общие цели. Интеллигенция последней категории не была знакома Аксельроду; он знал только одну интеллигенцию 70-х и 80-х годов. Тогдашняя интеллигенция действительно представляла собою нечто однородное, то были „отцы и дети“. В те времена каждый либерал считал себя „социалистом“ и мог смело назвать своим „сыном“ любого народовольца или бунтаря. Но то было тогда, когда сам Аксельрод был еще чернопердельцем. Тогда он, пожалуй, был бы прав, говоря: „ведь, большая часть нашей свободомыслящей буржуазии сама настроена „антикапиталистически“ и на всевозможные лады громит капитализм... Несомненно одно, не только радикальные элементы интеллигенции, но и наше либеральное общество, т.-е. большинство свободомыслящих людей, настроено враждебно по отношению к капиталистической буржуазии“²⁾).

В ту эпоху действительно можно было сказать, что либеральная интеллигенция отличалась от революционной только темпераментом. Но с тех пор много воды утекло. Значи-

¹⁾ „Историч. положение и взаимное отношение либер. и соц.-демократии в России“ Работник № 5—6. 1899 г. Подд. стр. 64.

²⁾ Там же, стр. 60.

тельная часть чисто землевладельческого дворянства, доставлявшего в 70-х годах главные кадры „интеллигентов“, к описываемому моменту давно уже успела проесть выкупные платежи, окончательно разорить свои вотчины и, присосавшись к разным банкам, акционерным компаниям и пр., отменно познала все блага капитализма. С другой стороны, и промышленная „кулацкая“ буржуазия за это время тоже успела кое-чему научиться: она отлично постигла всю пользу интеллигентности для себя самой; купеческие сынки составляют уже довольно значительный процент слушателей высших учебных заведений, и во главе различных промышленных предприятий появляется все большее и большее число вполне интеллигентных руководителей.

Вся эта дифференциация интеллигенции произошла уже после того, как сложилась группа „Освоб. Труда“. Она ее не заметила и поэтому продолжала смешивать в одну кучу и либерального помещика, и адвоката с тысячным окладом, и живущего впроголодь интеллигентного пролетария и, зачислив всех их гуртом в „буржуазию“, наделила эту буржуазию „народолюбием“ и стремлением при помощи культурной работы революционизировать „народ“, и, таким образом, подготовить почву для деятельности более „темпераментных“ членов интеллигенции. Этим отношением к интеллигенции об'ясняются и нападки Группы на практиков за то, что они говорят о „сплошной реакционной массе“ буржуазии вместо того, чтобы говорить о реакционности одной лишь партии „кнута и палки“.

„Если вникнуть в практическую мотивировку идеи образования революционной рабочей партии в современной России,—говорит Аксельрод, пропагандируя программу группы „Освоб. Труда“,—то мы увидим, что на ней отразилась духовная связь социалдемократического течения с предыдущим периодом нашего революционного движения. Политическая организация рабочих мотивируется здесь не отдаленными целями социализма, а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших общедемократических целей русского революционного движения, для обеспечения успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса, класса вообще, т.-е. крестьянских масс и городских рабочих. Можно подумать, что в представлении первой русской социалдемократической группы рабочее движение рисовалось не как нечто само по себе заключающее цель и оправдание своего существования, а лишь, как средство или орудие, предназначенное служить другим общественным силам. Но несомненно то, что для этой группы мысль об организации рабочей партии

в России теснейшим образом связывалась с тактическими и социальными тенденциями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими все демократические элементы нашей интеллигенции“¹⁾ (Курсив мой М. Л.).

Именно этими общедемократическими задачами объясняется что в программе группы Освоб. Труда мы находим лишь один пункт, касающийся специально рабочих, и что все требования ее „благоприятны и интересам прогрессивных слоев высших классов вообще, а демократической интеллигенции в особенности“²⁾, потому что „в России нет еще самого главного условия для политической борьбы с буржуазией—нет политически господствующих классов“³⁾.

Это последнее утверждение так резко расходилось с мнением, господствовавшим среди первых русских социалдемократов—практиков, что, действительно, эмигранты и они скоро перестали понимать друг друга. Практики смотрели на наше правительство не как на нечто, висящее в воздухе, и не могли не видеть в нем проявления классового господства. То же классовое господство видели они и в „либеральных“ земствах, несмотря на те конфликты, которые совершенно в иной плоскости происходили между последними и абсолютизмом. Аксельрод говорит: „Легальные усилия и средства, которыми прогрессивные элементы высших классов стараются усилить и упрочить все свое влияние на общество и государство, будут непосредственно служить и на пользу создания условий, благоприятствующих политическому развитию и организации рабочих в оковах деспотического государства“. С этим безусловно соглашались и старые практики, но они тут же добавляли, что только в том случае домогательства демократических и либеральных слоев высших классов окажутся полезными пролетариату, если социалдемократы с самого начала не будут затушевывать классовых стремлений в политической борьбе буржуазии, с одной стороны, и пролетариата с другой, другими словами, если политическая борьба рабочих с абсолютизмом будет иметь классовый характер.

Говоря о привлечении в ряды рабочей партии „народолюбивых и революционных элементов“,⁴⁾ Аксельрод, по мнению русских практиков, превращал классовую рабочую

¹⁾ Аксельрод. „К вопр. о совр. задач. и тактике русских соц—в“. „Работник“ № 5—6. 1899 г., стр. 9.

²⁾ Там же, стр. 10.

³⁾ Там же, стр. 15.

⁴⁾ Там же. Письмо 2-ое, стр. 20.

партию в демократически-буржуазную партию, действующую среди рабочих¹⁾. Аксельрод предупреждает, например, от увлечения стачечной борьбой рабочих, при чем одним из мотивов против этого увлечения он выдвигает следующее: „Несмотря на свою социальную беспомощность и полную бескультурность, крестьянство наше являлось до сих пор средоточием забот и симпатий прогрессивных и революционных слоев интеллигенции. Почему? Между прочим, и потому, что они лишь в нем видели и видят, как бы специальное воплощение своих прогрессивных стремлений и рычаг для избавления от сковывающего русскую жизнь государственного строя. Односторонняя же практика русских социал-демократов замедляет развитие в интеллигенции такого же отношения к рабочему классу, несмотря на то, что последний исторически действительно призван к роли главной революционной силы в освободительном движении против устарелых политических порядков“²⁾.

Русские практики старались воспитать рабочую массу в той идее, что освободить себя политически рабочий класс может только сам, не надеясь на помощь извне, но пользуясь всякой реальной силой в господствующих классах, которая помимо своей воли временно будет идти по тому же пути, по которому идет пролетариат. Тактический же план Аксельрода сводился к тому, что всю политическую борьбу пролетариат должен вести совместно с демократическими и либеральными элементами высших классов, при чем организоваться в особую партию он должен лишь для использования, уже после общей победы, результатов ее. Но и сама рабочая партия, по плану Аксельрода, должна носить не „узкоклассовый характер“, а дать широкий простор всем демократическим и революционным элементам высших классов. Именно

¹⁾ Там же стр. 26. Курсив мой. М. Л.

²⁾ В 98 году, находясь в ссылке в Якутске, я прочел цитированную статью Аксельрода и сейчас же поднял среди ссыльных соц.-демократов вопрос о протесте против этой статьи. По этому поводу якутская соц.-демократическая колония резко разделилась на два лагеря. Одни соглашались со мной, другие выступили на защиту Аксельрода. И характерно то, что защитники Аксельрода являлись одновременно и защитниками позиции наших „экономистов“ Раб. Мысли и позиции Бернштейна в Германии и Жореса и Мильерана во Франции. После долгих дебатов решено было обратиться к Аксельроду с письмом, в котором предполагалось указать ему на опасность увлечения „общенациональными целями“ в ущерб классовой позиции пролетариата, указать, что именно подобное увлечение может и должно на практике привести к бернштейниаде и миллерианству. Мне не удалось участвовать в окончательной редакции письма, так как пришлось уехать из Якутска еще до окончания дебатов. Но впоследствии, уже от самого Аксельрода я узнал, что письмо это им было получено.

с этой целью он постоянно твердил рабочим, что они не одни борются, что у них есть союзники, что „работать на освобождение ее (России) из-под ига самовластия составляет долг всех честных и развитых людей“¹⁾, что „изменение правительственных порядков России есть цель, к которой должны теперь стремиться совместно все классы населения“, что „значительная часть наших образованных классов не откажется даже прямо поддерживать (конечно, тайно) русскую рабочую интеллигенцию, лишь только она подымет знамя политической свободы среди этих масс“²⁾. Подобных выписок из статей Аксельрода, если бы понадобилось, мы могли бы привести целую массу.

Незнакомство с уже развившимся в течение восьмидесятых и девяностых годов буржуазным характером России, заставляет группу „Освобождение Труда“, наряду с проповедью классового характера пролетарской борьбы в теории, в тактических вопросах помимо своей воли сходиться с классовой точки зрения и тем давать своим читателям основание смотреть на рабочее движение, как на простой придаток интеллигентского демократического революционного движения. Типичным в этом отношении является взгляд Аксельрода, что „самый бледный либерализм любого интеллигента гораздо выше некультурного мировоззрения народных масс“³⁾.

Группа „Освобождение Труда“, и в особенности Аксельрод, видела лишь одну общенациональную задачу свержения абсолютизма и искренно верила „бледному либерализму“ буржуазии, что и для него эта общенациональная задача в состоянии на время заглушить классовые интересы. Аксельрод сам не думал, что увлечение этой „общенациональной задачей“ идет вразрез с классовыми интересами пролетариата; он не верил в классовый характер вождений либеральных помещиков и обеспеченных адвокатов. Он искренно считал их способными (не понимая их буржуазной сущности) встать на точку зрения революционного пролетариата, войти в ряды пролетарской партии, так как он верил им на-слово, что они одинаково с пролетариатом ненавидят капитализм.

XXII.

Говоря о „Поворотном пункте в истории еврейского рабочего движения“, я уже указывал⁴⁾, что автор этой статьи противопоставляет рабочих „буржуазной“ интеллигенции, к которой он целиком причисляет всех действующих среди рабочих сознательных социал-демократов.

1) „Зад. раб. интеллигенции“. Женева, 93 г. стр. 13.

2) Там же, стр. 6.

3) „Историч. полож. и т. д.“ стр. 64.

4) „Ист. Р. С.-Д. Р. П.“ часть I, гл. XII.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к настоящему изданию	стр. 3
Предисловие к изданию 1906 г.	7

ЧАСТЬ I.

I. Восьмидесятые годы	15
II. Рабочее движение	22
III. Группа „Освобождения Труда“	33
IV. Благоевская группа	44
V. Марксистские кружки	51
VI. Социал-демократические кружки	60
VII. Начало агитации	70
VIII. Характер первоначальной агитации	79
IX. Социал-демократы и „чистые политики“	85
X. Организация	94
XI. Начало социал-демократического движения	104
XII. Работа среди еврейских ремесленников	113
XIII. Легальное выступление марксистов	133
XIV. Принижение сознательности руководителей движения	149

ЧАСТЬ II.

XV. Политическое пробуждение общества	153
XVI. Причины разномыслия среди практиков социал-демократов	163
XVII. Подготовка I-го с'езда	172
XVIII. Постановка организационного вопроса у группы „Освоб. Труда“	182
XIX. Организационные течения среди русских практиков до I-го с'езда	193
XX. Решение I-го с'езда	207
XXI. Тактические взгляды группы „Освоб. Труда“	216
XXII. Влияние непролетарской интеллигенции на деятельность и взгляды Р.С.-Д.Р.П.	233
XXIII. Экономисты	248
XXIV. Общественное настроение накануне XX века	264
XXV. Промышленный кризис и рабочее движение	276
XXVI. „Рабочее дело“	291
XXVII. „Кустарничество“ в местной работе	311
XXVIII. Два об'явления	327
XXIX. Массовые выступления	336
XXX. Полициейские попытки легализации „чисто-рабочего“ движения	349
XXXI. Социал-демократия и рабочий класс	365
XXXII. Организованные взгляды „Искры“	378
XXXIII. Тактика „Искры“	399
XXXVI. Программа „Искры“	419